

УДК 343.54

Александр Владимирович АГАФОНОВ,
доцент общеправового факультета Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук

О ДОКТРИНАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ

В современной юридической литературе наиболее проблематичным продолжает оставаться вопрос о содержании непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.131 УК РФ «Изнасилование».

При этом это отнюдь не праздный вопрос, так как установление непосредственного объекта посягательства любого преступления имеет важное значение, поскольку с ним связано определение места конкретного преступления в общей системе преступных деяний, предусмотренных в Особенной части УК РФ. Как отмечал в свое время Н.Н.Дурманов, объект преступления определяет характер преступления, его общественную опасность. «Если продолжить далее линию о важности установления непосредственного объекта данного элемента состава преступления, это не только приводит к правильной квалификации содеянного, то есть установлению тождества между содержанием признаков состава в уголовно – правовой норме и совершенным деянием, но и оказывает существенное влияние на всю дальнейшую судьбу лица, виновного в совершении преступления»¹.

Традиционно установление непосредственного объекта любого деяния начинается с определения его содержания.

Анализ доступной нам юридической литературы позволяет сделать однозначный вывод о том, что единого, следова-

тельно, и общепризнанного, определения непосредственного объекта криминального деяния в современной доктрине уголовного права нет.

На сложившуюся ситуацию, как мы считаем, повлияло наличие в современной юридической литературе дискуссии по поводу содержания общего объекта преступления, где преобладающей точкой зрения до сих пор является позиция признания в качестве исходного постулата при его определении некой совокупности общественных отношений, взятых под охрану и, соответственно, последующую регуляцию действующим уголовным законодательством и страдающих при этом либо от общественно опасного посягательства, либо от реальной угрозы ее осуществления.²

Однако, по мнению иных исследователей, объект преступления — это уже некие общесоциальные блага и интересы, которым в результате совершения преступления причиняется или может быть причинен определенный, весьма существенный для конкретного социума вред.³

Третья группа авторов пытаются доказать всем своим оппонентам, что «объект преступления — (это) тот, против кого оно совершается, то есть отдельные лица или какое-то множество лиц...»⁴.

Настоящая дискуссионная ситуация, хотя и не в полном объеме, как мы

считаем, отражается и в стремлении современных российских ученых – криминалистов раскрыть содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.131 УК РФ.

Так, Л.Д.Гаухман, Н.И.Ветров и Э.Ф.Побегайло дифференцируют содержание непосредственного объекта преступления при изнасиловании через категорию общественных отношений, которые обеспечивают «половую свободу взрослой женщины, а при посягательствах на лиц женского пола, не достигших 16 – летнего возраста, — их половую неприкосновенность»⁵.

В качестве основного недостатка этой позиции следует, по нашему мнению, ограничиться констатацией того, что:

– во – первых, общественные отношения, существующие в сфере межполовых отношений, регулируются не только нормами уголовного, а, в первую очередь, семейного права;

– во – вторых, сами по себе общественные отношения объектом преступления быть явно не в состоянии, так как последние регламентируются не только нормами права, но и нормами морали (нравственности) и религии.

Общеизвестно, что в качестве объекта преступления общественные отношения выступают только в случае их охраны и последующей регуляции именно нормами уголовного права. Однако в этом случае они приобретают уже статус правоотношений, следовательно, их правовая регламентация осуществляется посредством нормативно – правового закрепления конкретных прав и обязанностей субъектов этих отношений,⁶ в качестве которых, по нашему мнению, могут выступать только физические лица, так как юридические лица не обладают при этом признаком своей материализации.

Из чего, в свою очередь, следует, что при совершении любого преступного деяния указанный нормативно – правовой комплекс испытывает определенный дисбаланс.

В случае совершения преступления, ответственность за которое предусмот –

рена ст.131 УК РФ, по нашему мнению, нарушаются:

– право совершеннолетних физических лиц женского пола на половую свободу;

– право несовершеннолетних, то есть не достигших возраста восемнадцати лет, физических лиц женского пола на половую неприкосновенность;

– право любых физических лиц женского пола, независимо от возраста, находящихся в беспомощном состоянии, на половую неприкосновенность, которые неизбежно страдают в случае совершения с ними физическими лицами – ми мужского пола, без явно выраженного на то согласия с их стороны, полового акта.

Следовательно, уголовно – правовые отношения, обеспечивающие указанные выше права и обязанности перечисленных физических лиц, и будут выступать в качестве непосредственного объекта исследуемого нами преступного деяния.

Впрочем, необходимо признать, что с предложенной нами дефиницией непосредственного объекта преступления, признаки которого мы находим в ст.131 УК РФ, фактически не согласны большинство известных нам правоведов.

Так, С.В.Бородин, Р.Р.Галиакбаров, Ю.В.Головлев, Е.П.Данилов, А.И.Дворкин, В.Д.Иванов, Н.Г.Иванов, А.Н.Игнатов, И.Я.Козаченко, Т.В.Кондрашова, А.В.Корнеева, В.В.Коряковцев, М.А.Кочубей, Л.Л.Кругликов, К.В.Питулько, Ю.Г.Ляпунов, А.Б.Мельниченко, С.И.Никулин, С.Н.Радачинский, Н.К.Семернева, И.М.Тяжкова, А.И.Чучаев, О.Ф.Шишов и А.Е.Якубов в качестве непосредственного объекта преступления при изнасиловании признают саму половую свободу и половую неприкосновенность некой «особы женского пола».⁷

При этом, по нашему мнению, необходимо помнить, что «половая свобода — это не только свобода от принуждения, но и свобода на самоопределение в половом общении. Половая свобода есть свобода в пределах сложившегося в обществе уклада половых отношений вступать в

половое общение с другими лицами, иным образом удовлетворять свое половое влечение и не допускать какого-либо принуждения или понуждения в этой сфере либо иного игнорирования волеизъявления лица в этом вопросе... Половая неприкосновенность...под нею в данном случае подразумевается моральный и правовой запрет вступать в половые отношения с лицом, не обладающим половой свободой, ввиду неспособности таких лиц понимать значение и последствия совершаемых в отношении них сексуальных действий или руководить своими поступками в половой сфере»⁸.

Кроме того, необходимо признать, что настоящие социальные категории выступают в качестве видового объекта такого преступления, как изнасилование, и при этом общеизвестно, что непосредственный объект выступает в качестве части видового объекта, объединяющего более узкие правоотношения. Он соотносится с видовым объектом как часть с целым, следовательно, предложенная этими авторами дефиниция страдает явным логическим противоречием.

Некоторые современные исследователи, например А.Б.Мельниченко, М.А.Кочубей, С.Н.Радачинский, специально подчеркивают, что в качестве непосредственного объекта преступления в случае изнасилования несовершеннолетней и малолетней выступает нормальное половое развитие потерпевшей.⁹

Н.К.Семернева, по нашему мнению, несколько пытается расширить это доктринальное определение и предлагает понимать под непосредственным объектом преступления при изнасиловании «нормальное физическое развитие и нравственное воспитание малолетних и несовершеннолетних»¹⁰.

Ю.В.Головлев, фактически поддерживая вышеуказанных авторов, также указывает на то, что «в случае изнасилования несовершеннолетней (малолетней) объектом преступления помимо половой свободы выступают нормальное физическое, половое и нравственное развитие потерпевшей»¹¹.

Впрочем, по нашему мнению, стоит добавить, что А.И.Чучаев все эти вышеперечисленные социальные ценности относит к дополнительному объекту анализируемого нами преступления.¹²

Резюмируя приведенные дефиниции, видимо, вначале следует признать, что доктринальный термин «нормальное» не обладает явным нормативно-правовым наполнением, а следовательно, вряд ли может быть использован при научном толковании указанных уголовно-правовых норм. В данном случае, мы считаем, более обоснованным и правомерным следует признать использование доктринального термина «соответствующее нормам социального общежития».

Что же касается использования терминов «развитие» и «воспитание» несовершеннолетней (малолетней), вероятно, следует указать, что наличие таковых возможно только в конкретном человеческом обществе, где они выступают в качестве определенных социальных ценностей или предметов общественных отношений, поэтому, посягая на них, виновный вольно или невольно посягает и на всю совокупность последних. Из чего, в свою очередь, вытекает, что предложенное определение непосредственного объекта анализируемого нами преступления, безусловно, страдает явной алогичностью.

Ряд современных авторов высказывают точку зрения о том, что анализируемое нами преступное деяние имеет еще и дополнительный объект. Так, С.В.Бородин, С.И.Никулин, И.Я.Козаченко и Т.В.Кондрашова считают, что «дополнительным объектом этого преступления следует считать здоровье потерпевшей»¹³.

Ю.В.Головлев, по нашему мнению, стремится несколько расширить это определение и указывает, что в качестве последнего выступают «честь, достоинство женщины, а в наиболее опасных случаях — физическое (психическое) здоровье женщины или ее жизнь»¹⁴.

При этом необходимо помнить, что в современной доктрине уголовного права России сложилось общепризнанное мнение, что «...честь — это нравственная

категория, которая означает общественное признание личности как совокупности социальных, духовных и других качеств гражданина... Достоинство — это внутренняя самооценка собственных качеств, выражение личностной ценности человека, его способностей, мировоззрения, благоразумия, своего общественного значения»¹⁵.

В свою очередь, «жизнь есть способ существования материи, закономерно возникающий на уровне высокомолекулярных соединений и характеризующийся динамичными, лабильными структурами, функцией самообмена, а также процессами саморегулирования, самовосстановления и накопления наследственной информации»¹⁶, а здоровье в соответствии с Уставом Всемирной организации здравоохранения определяется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов.¹⁷

Следовательно, все перечисленные нами социальные категории выступают в качестве определенных социальных ценностей (благ), т.е. в качестве конкретных предметов общественных отношений. Последние, по нашему мнению, в целом и страдают в случае криминального посягательства на эти блага.

Ряд авторов, в частности А.В.Корнеева, считают, что «потерпевшей для наличия состава преступления может быть только женщина, независимо от ее отношений с виновным (муж, сожитель и т.д.)»¹⁸, то есть конкретизируют потерпевшего по биологическим признакам.

Однако в этом случае возникает правовая проблема, разрешение которой пытаются фактически игнорировать все известные нам исследователи признаков состава анализируемого преступления. Проблема, по нашему мнению, заключается в вопросе, кого необходимо признавать потерпевшим от изнасилования: физическое лицо, обладающее вторичными половыми признаками женского типа, в том числе и созданными искусственно (например, хирургическим путем), однако имеющее правовой статус

женщины, либо любое физическое лицо женского пола, физически способное зачать, выносить и родить ребенка?

В данном случае неизбежно возникает проблема разграничения изнасилования с насильственными действиями сексуального характера. При этом отдельные авторы пытаются предложить разграничивать эти деяния по направленности умысла виновного при наличии ряда объективных показателей, позволяющих его конкретизировать.

По нашему мнению, данная позиция противоречит мнению Верховного Суда РФ, согласно которому под половым сношением следует понимать только «совершение полового акта между мужчиной и женщиной»¹⁹.

Думается, в данном случае явно имеются в виду биологические, а не правовые признаки пола жертвы изнасилования. Учитывая, что легальное толкование, безусловно, должно иметь прерогативу над доктринальным, позицию правоприменителя в целом следует поддержать, хотя она и несколько противоречит формально-логическим правилам квалификации преступления, в частности по субъективным признакам.

В заключение следует, по нашему мнению, признать, что поднятая нами проблема имеет, скорее всего, доктринальный характер и поэтому важна в первую очередь не для конкретного правоприменителя, а для российского законодателя, так как ее разрешение неизбежно приведет к улучшению действующего уголовного законодательства, оптимизации его структуры и более качественному конструированию конкретных уголовно-правовых норм, более четкому и доступному изложению признаков составов половых преступлений и как следствие последнего повышению качества уголовно-правовой борьбы с подобными преступлениями.

Считаем необходимым вынести эту проблему на научное обсуждение с целью выработки единой позиции по ее разрешению.

1 Устинова, Т.Д. Уголовная ответственность за лжепредпринимательство / Т.Д.Устинова. — М., 2003. — С.51—53.

2 Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В.Здравомыслова, Ю.А.Красикова, А.И.Рарога. — М., 1994. — С.110.

3 Общая часть уголовного права / под ред. Ю.И.Ляпунова. — М., 1998. — С.57.

4 Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова. — М., 1997. — С.135.

5 Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э.Жалинский. — М., 2005. — С.396.

6 Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под ред. В.С.Нерсесянца. — М., 2001. — С.366.

7 Иванов, Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник для вузов / Н.Г.Иванов. — М., 2003. — С.479.

8 Российское уголовное право : курс лекций. Т.3. Преступления против личности / под ред. А.И.Коробеева. — Владивосток, 2000. — С.344—345.

9 Мельниченко, А.Б. Уголовное право: Особенная часть : учебник / А.Б.Мельниченко, М.А.Кочубей, С.Н.Радачинский. — Ростов—на—Дону, 2001. — С. 80.

10 Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. — М., 1997. — С.121—122.

11 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А.Чекалин ; под

ред. В.Т.Томина, В.С.Устинова, В.В.Сверчкова. — М., 2002. — С.325.

12 Российское уголовное право. В 2 т. Т.2. Особенная часть / под ред. А.И.Рарога. — М., 2001. — С.104.

13 Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н.Петрашева. — М., 1999. — С.85.

14 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А.Чекалин. — С.325.

15 Ветров, Н.И. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Н.И.Ветров. — М., 2000. — С.80—81.

16 Трошин, Д.М. Методологические проблемы современной науки / Д.М.Трошин. — М., 1966. — С. 131; Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М.Прохоров. — М., 1998. — С.401.

17 Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. / под ред. Б.В.Петровского. — М., 1982. — Т.1. — С.391.

18 Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Б.В.Здравомыслова. — М., 1999. — С.82.

19 О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 // Российская газета. — 2004. — 29 июня.